

ГОРОДСКАЯ ПРОЗА

Борис
БУЖОР

ДК

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Бужор, Борис.

Б90 ДК / Борис Бужор. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 512 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-118380-6

Полный энергии молодой драматург Платон вопреки обстоятельствам пытается создать свой театр на базе забытого провинциального Дворца культуры. Но дело, которое он затеял, постоянно встречает препятствия. Да и вряд ли могло быть иначе, когда главный враг Платона — его жена — дерзкий, красивый художественный руководитель областного театра и самая сексуальная девушка города.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118380-6

© Текст. Борис Бужор, 2019
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

Обойди периметр, закрой ворота на ржавый замок,
Отыщи того, кто еще способен, и отдай ему ключ.
Не вини себя в том, что все так плохо —
ты сделал, что смог,
А теперь считай, что нынче ты в отпуске...

ОЛЕГ МЕДВЕДЕВ

— Согласны ли вы?

— Да, — отвечаю я, не дослушав скучную женщину в пиджаке и юбке казенного фасона.

Служительница загса, словно меня и не слышит, продолжает тараторить, сохраняя недвижимую и непробиваемую ярко-красную улыбку.

Ленка дергает меня за манжет белоснежной рубашки. Еще никогда я не был так красив! Хотя все очевидно — Ленка же сама подбирала мне костюм — рубашку, галстук и даже стилиста, весь мозг вынесла стремлением сделать меня самым очаровательным в мире мужчиной. Ничего не поделаешь — женщина. И девушку-гримера из театра привела, которая кисточкой водила по моему лицу, словно художник по свежему полотну. Для чего, я так и не понял, наверное, омолодила — разгладила морщины.

Нет, я, однозначно, красив, а иначе Ленка вряд ли бы сейчас стояла рядом со мной перед регистрационным столом центрального городского загса в белом платье, каких-то похожих на тюль накидках и с дурацкой прической. Нет, для всех кудри Ленки, конечно, прекрасны. Я чувствовал, как пара ее нарядных подружек с короткими, из-за преждевременно редеющих волос, стрижками, завистливо смотрели на ее гордо завитые кудри. Но зачем Ленка их так накрутила? С прямыми волосами она куда красивее... Но я ей это никогда не скажу, обидится же. А спросит, отвечу,

мол, твои кудри великолепны... ну, что-то в этом роде, выкручусь. Не лучшее дело за несколько секунд до торжественной росписи думать о том, как лучше обмануть жену. Ложь начинается с кудрей, ну во всяком случае для меня.

На этом и закончится, я уверен. А кудри? А кудри пусть останутся моей маленькой тайной — об этом никто и никогда не узнает.

— Жених, согласны ли вы?

— Да, — повторяю я.

— Невеста, согласны ли вы?

Пауза. Слышно, как на улице высоко-высоко гудит самолет.

— Да. — Ленка сосредоточенна. Касаюсь пальцами ее ладони, она холодна, как лед.

Я улыбаюсь, Ленка пытается расслабить губы — изобразить улыбку, мол, все хорошо, но я вижу, она волнуется точь-в-точь как в день своих премьерных постановок. Говорят, что у женщин бывают плохие дни, так их, кажется, называют. У женщины-режиссера «такие дни» случаются чаще и длятся дольше — недели полторы до премьерного спектакля.

— Ваше взаимное согласие, — продолжает женщина, — дает мне право в соответствии с Кодексом Российской Федерации зарегистрировать ваш брак. Приглашаю вас поставить подписи в записи акта о заключении брака. — Тишина, шум самолета отдаляется. — Пожалуйста.

Играет музыка, точно такая же звучала, когда мне вручали институтский диплом, школьный аттестат и медаль за победу на областных соревнованиях.

Расписавшись, обменявшись кольцами, наобнимавшись с родней, попозировав перед камерами фотоаппаратов и наслушавшись поздравлений, под общие аплодисменты

выходим на улицу — гости расступаются перед нами, как воды перед Моисеем. С осторожностью оглядываю собравшихся — большинство из них Ленкина родня и знакомые, с моей стороны мама, папа, брат и пара друзей из поселка — Глобус, Пенчук...

Раньше, когда еще работал в театре, в перерывах между творческими и криминальными приключениями представлял себе женский идеал — фантазировал волосы, пальцы, ножки, грудь, все на свете, кроме национальности. Скажи мне еще год назад, что моей женой окажется еврейка, рассмеялся бы тому человеку в лицо. Но внезапная любовь, созданная воображением из сатирического безумия и эротического противоречия, обрела конкретные контуры бытового факта — ладную фигуру, длинные волосы, высокий лоб, холодные ладони, имя и отчество — Елена Иосифовна... Елена Иосифовна Фейгус — художественный руководитель театра нашего города и режиссер известных российских спектаклей.

Женский визг и рис взмывают ввысь. Народ требует от нас поцелуя. Мы его обозначаем, просто соприкоснувшись губами.

Невеста уходит фоткаться с подружками, расталкивая толпящихся, подбирается Васька — старый друг — известный больше как Колдай, кладет огромную руку мне на плечо, аккуратно косится на Ленку, что, умышленно обнажив плечи, замерла для нового кадра.

— Поздравляю, братан, не, ну реально, ну... повезло... — шепчет он. — Реально красавица.

— Знаю, — с гордостью отвечаю я.

Колдай выбрит, свеж, купаж одеколона и перегара — легкий, ненавязчивый, джентльменский.

— Вон та подружка свободна? — Он кивает в сторону восторженного столпотворения женщин.

— Какая?

— Да, вон, та, полосатая?

— Какая?

— Вон, та, с коленками торчащими.

— Точнее.

— В платье полосатом.

— А, Адка.

— Какая кадка? — Колдай смеется и оглядывается по сторонам — не слышит ли нас кто-то.

— Ада, — улыбаюсь я. — Актриса из питерского театра.

— Да это мне плевать кто она там, главное — свободна?

— Да, месяц назад с кем-то рассталась, Ленке по скайпу жаловалась... Переживает вроде как, от депрессии лечится.

— Вот и отлично, я ее сегодня и утешу. — Колдай хитро улыбается. — Подлечу...

Его похабность прекрасна — честная и мужская.

— Лекарь, — веселюсь я.

— А что, сейчас подойду. — Колдай расправляет огромные плечи — костюм на нем сидит впритирку, красиво. — Скажу, мол, девушка, здравствуйте, вам лекарь не нужен? За ночь вывожу от депрессии. О, гляди, к ней уже какой-то тип в штанишках заношенных лыжи наострил. Блин, что за одежда, у нас после бутылки водки люди приличнее одеваются.

— Не волнуйся, он гей.

— В смысле?

— Парней предпочитает.

Колдай наклоняется к моему уху:

— Пидор, что ли?

— Ага.

— Ну угодил, поназвал гостей. И много тут таких?

— Человек шесть-семь.

— Надо было заранее предупреждать, а то тут выпьешь, слабину дашь, и все — толпой в свой голубой сусек затащат.... А потом оправдывайся перед пацанами, что один раз не... Ну, ты понял.

— Я их сам не знаю. Это с Ленкиной стороны.

— Ну, Кадка эта точно одинокая, да?

— Да. Вась, да она же страшная... Косметика одна.

— Истинного гусара страшной женщиной не напугать. Давай, я пошел. — Колдай хлопает меня по плечу и направляется в сторону гостей.

У входа в загс толпятся другие пары и ждут своего часа. Улица светла, на пальце сверкает золотое кольцо. Впереди долгий день — пафос, поздравительные стихи, тосты, цветы и деньги в конвертах. На голубом и безоблачном небе обрывается белая полоса от скрывшегося в глубине самолета.

Свадьба завершилась за полночь, гости долго не хотели расходиться. Слава богу, все закончилось. Но в ушах до сих пор все еще гремит раскатистое «горько» заслуженного актера из какого-то московского театра. Он выкрикивал это проклятое «горько» каждые пять минут. Ленка говорила, мол, большая честь, что такой человек выбрал время и смог приехать на свадьбу. Она весь вечер старалась с ним говорить. А он пожирал ее похотливыми, заплывшими жиром глазами.

Когда все закончилось, мы поднялись от ресторана в лифте на самый последний этаж, где нас ждал забронированный Ленкиными родителями номер. Над дверью висели шарики и прочая праздничная лабуда.

Захожу внутрь, сбрасываю пиджак, срываю галстук, плюхаюсь на стул и закуриваю напротив огромного окна. С вышины двадцатиэтажной гостиницы кажется, что у моих ног лежит целый город. Контурсы его размазаны в электрическом свете. Над крышами новостроек словно фиолетовые падуги висят небеса. А перед всем этим — река. Свет моста, уводящего на другой берег огоньки машин, подсвечивает черную воду.

— Хочешь шампанского? — Ленка со спины гладит мне плечи.

— Спасибо. Чаю бы...

— Ты много пьешь чаю.

— Привычка.

Ленка, не сняв с себя ни платья, ни украшений, садится мне на колени. От нее одновременно пахнет и потом, и духами. В руке фужер с шампанским. Она стучит красным коготком по его длинной ножке.

— Платон, спасибо тебе.

Я крепко обнимаю Ленку, стараясь не прожечь сигаретой ее платье. Чем больше она меня называет по имени, тем больше я ее люблю. Она великолепна, несмотря на то что кудри...

— Да не за что.

— Я знаю, что ты не хотел всего этого торжества, ради меня же терпел, да?

— Ради тебя.

— Платон, ты лучший мужчина.

— Льстишь...

— Ты хочешь меня обидеть?

— Нет, извини.

— Тогда запомни: если я говорю, что ты лучший, значит лучший... — Ленкины глаза наливаются слезами.

— Лен, что с тобой?

— Я счастлива, — говорит она, уткнувшись мне в плечо.

Долго целуемся. Не так, как во взрослых фильмах. По-своему — обрывисто, жадно прикусывая губы, без языка. Мы так привыкли, нам так нравится. Без отрыва от ласк, тушу сигарету в хрустальной пепельнице на столе. Пытаюсь не рассыпать пепел, чувствую, что все сейчас скоро слетит на пол, перевернется и покатится прочь.

— Ты же вернешься в театр?

— Я? — Ленкины волосы щекочут мне щеки.

— Ты.

— Да кто меня возьмет? Ты же сама знаешь, эта директриса...

— Да она ничего не значит, все равно я все решаю.

— Подумаю, — второй раз уже вру я, знаю же, что даже и думать не буду — про себя все давно решил — в свой бывший театр я не вернусь никогда.

Снова поцелуй. Ленкины губы горячи. Приговаривают:

— Какой же ты у меня красивый... А еще очень умный. Для такой культурной дыры лучшей рекламы, как срыв первой премьеры, и не придумаешь.

— В смысле?

— Платон. — Она ставит фужер на стол, нежные пальцы расстегивают пуговицы моей вымокший за день рубашки. — Не притворяйся, ты же знаешь, я тебя раскусила.

— Я не из-за этого запретил спектакль. — Руки Ленки скользят по моему телу... От плавного возбуждения чувствую, как голос мой начинает подрагивать.

— А из-за чего? — Ленка касается носом моей шеи, от ее дыхания по спине пробегают мурашки.

— Назло!

— Так я и тебе поверю... Знаешь, — проворные женские руки снимают с меня рубашку, — нехорошо врать жене. Нехорошо, Платон. Не хочешь, не говори. Но ты молодчина. Мой... Извини. Наш спектакль же один из самых популярных в России стал. — Ленка целует мне грудь... — Знаешь, а если бы не то награждение в Москве, я бы никогда не узнала, какой-то ты еще и классный... — влажные губы спускаются к животу. — Какой классный... В смысле не как писатель, а как, — длинные пальцы поглаживают ширинку брюк, очевидно, что там уже и так все готово к действию. — Как...

Год назад Ленка, тогда еще для меня Елена Иосифовна, стала худруком театра, в котором я работал завлитом — руководителем литературной части. Я нагло директрисе и чиновничьим верхам сорвал Ленкин спектакль — позвонил в российское авторское общество прямо в день премьеры — за считанные минуты до начала, и на правах автора пьесы запретил показ. После этого меня по статье уволили из театра, в частности, а если в целом — то из всей культуры города. Я остался на обочине. Но начальство в департаменте культуры внезапно сменилось, и я, успокоившись, все-таки разрешил театру использовать свою пьесу со странным названием «Муагил». Премьеру перенесли на месяц, но зрительский ажиотаж в связи со странной отменой спектакля набрал неудержимую силу. В итоге мы получили одну из престижных премий в Москве, я выиграл номинацию драматург года, Ленка — лучший режиссер. После торжественной части мы пересеклись на банкете, она брезгливо отворачивалась от меня, попивая томатный сок из высокого фужера и разговаривая со звездами кино. Я стоял за соседним столиком и поедал оливки с сыром. Позже мы пересеклись в коридоре гостиницы — наши

номера оказались на одном этаже, она обозвала меня предателем, а я — улыбнулся.

— Отпусти! — Я содрогаюсь от вылетевшего из прошлого крика.

— Платон. — Ленка поднимает глаза из полумрака. — Все хорошо?

— Все хорошо... Все очень хорошо... Леночка.

— Обожаю, когда ты меня так называешь.

— Елена Иосифовна.

— А когда так меня называешь — ненавижу. Даже когда мы переспали, давно — еще в театре, ты продолжил меня так называть, помнишь?

— Помню...

— А если бы мы в Москве не встретились в коридоре, то ничего не случилось бы, ты больше ко мне не подошел бы.

— Не подошел бы...

Ленка расстегивает ширинку, потом пуговицу брюк, кинематографично распускает волосы, словно героиня одного из фильмов, которые крутят каждую пятницу по «РенТВ» после полуночи.

— Но я не ожидала, я хотела кричать, еще бы немного... Ты мне казался таким робким — не привыкшим к женщинам. А тут... Я ни одному мужчине так не позволила бы с собой поступить. Такую пощечину влепила бы, что он не встал бы.

— А мне что не влепила? — Я поднимаю Ленку с колен, пытаюсь расстегнуть ее платье на спине. Чертов замок, ни хрена не поддается.

— Растерялась.

— Растерялась?

— Да... Платье не разорви.

— Надеюсь, второй раз оно тебе не понадобится.